

На правах рукописи

Верещагин Олег Александрович

**СУБЪЕКТ ИСТОРИИ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ**

Специальность 09.00.11. – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени кандидата философских наук

Нижний Новгород 2007

Работа выполнена на кафедре социальной философии
факультета социальных наук
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор философских наук, доцент

Пак Галина Станиславовна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Федоров Александр Александрович

кандидат философских наук, доцент

Скопин Денис Александрович

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Волго-Вятская академия государственной службы»

Защита состоится 16 марта 2007 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 166. 04. при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер, д.7, ауд. 300.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп.1).

Автореферат разослан «12» февраля 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Фатенков А.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность проблемы субъекта истории обусловлена становлением семиологической онтологии постмодерна, когда языковые и культурные формы из элементов эпистемологии перемещаются в онтологическое измерение. Провозглашение «философии языка» пределом эпистемологических возможностей - не что иное, как сознательное самоограничение человеческих возможностей с целью самосохранения. Однако сегодня оно грозит стать сознательным «забвением» сущностных (ментальных) ориентиров человечества.

Постмодернистская историографическая практика, несмотря на многообразие представленных в ее концептуальном пространстве проектов, обладает парадигмальным статусом. Ж. Деррида свой исторический проект или «движение к истории» осуществлял через специфическую практику «критического чтения». Критическое чтение с одной стороны, отдает себе отчет в сознательных, желаемых, интенциональных отношениях, которые автор устанавливает в своем обмене с историей, а с другой - принимает во внимание то, что автор пишет на таком языке и в рамках такой логики, собственную систему, законы и жизнь которых его дискурс, по определению, не может себе полностью подчинить. Критическое чтение должно всегда быть нацелено на определенное отношение, не воспринимаемое автором, между тем, что он контролирует, и тем, что он не контролирует в языке, который использует.

«Критическое чтение» или «риторически осведомленное чтение» достаточно четко артикулировало объект познания – это тексты, весь массив текстов, тексты, рассматриваемые в качестве единственной и первичной реальности. Что же касается главного вопроса относительно субъекта этого знания, субъекта истории, то ответ на него парадоксален, хотя и определен всей логикой повествования. Субъектом истории как специфической дискурсивной и интеллектуальной деятельности по репрезентации и

презентации определенных культурно-исторических практик в постмодернистской парадигме может быть только сам язык исторического narratio. Подобно тому, как субъектом философии постмодерна является язык, дискурсивная практика, субъектом истории является язык исторического нарратива. Речь идет, во-первых, о нарративизации исторического бытия как о частном проявлении лингвизации и семиотизации бытия вообще, а во-вторых, о нарративизации сознания, превращении субъекта в дискурсивную функцию, а человека в конструкт языка.

Постмодернистская парадигма сформировала особую модель видения реальности, которая не согласуется с модернистским мировосприятием. История и релевантная ей идея истории относятся к основополагающим идеологемам и метафизическим конструкциям эпохи трансценденталистской философской традиции. Развитие исторической науки во второй половине XX столетия представляет собой постепенное скатывание к общему кризису, имеющему не только общенаучный, но и мировоззренческий характер. Речь идет о завершении универалистского проекта истории, который получил название макроисторической историософской парадигмы.

Постмодернистская мифологема имеет идеологическое значение, хотя и постоянно напоминает нам о закате эры «больших идеологий» или «метанарраций». Последовательное проведение в жизнь принципов «метафизики ландшафта» оборачивается дезинтеграцией времени и истории, утратой универсального исторического горизонта. Историю постмодернисты называют слишком метафизическим концептом.

Постмодернизм не приемлет базовую гипотезу субстанциалистского редуccionизма о «трансцендентальном обозначаемом» или внетекстовой реальности, которая определяется рамками традиционной субъект-объектной дихотомии. Преодоление субъект-объектной оппозиции в постмодернистской практике предполагает отказ от идеи об иерархической вертикальной соподчиненности Референта и Репрезентации, Реальности и Текста, означаемого и означающего.

Отрицание существования «трансцендентального означаемого», влечет за собой исчезновение представления об универсальной исторической размерности, об универсальном историческом взгляде. С утратой единства образа истории мы теряем целостное представление о человеке. Постисторическое состояние и постчеловеческое его содержание семантически связаны. Апологетика целостного универсального исторического взгляда есть апологетика человека и человеческого. Существует элемент преемственности в развитии модернистского субъекта и субъекта постмодерна. Постмодернистский субъект, растворенный в текстах-сознаниях, в интертексте культуры, субстанциально связан с развитием западной критически-рефлексивной традиции, с ее скепсисом и нигилизмом.

Степень разработанности проблемы. Существует историософская традиция, направленная на пересмотр и переосмысление семантики базовых понятий классического историописания: «опыт истории», «опыт историка», историческая реальность, субъект истории. Постмодернистская парадигма предлагает радикальную ревизию концепта «субъект», кардинальное изменение его онтологического и эпистемологического статуса. Это обусловлено последствиями феноменологического движения, преодолевающего жесткие рамки субъект-объектной дихотомии, разрушающего оппозиционное противопоставление субъекта и объекта. Феноменологический переворот и генетически связанная с ним постструктуралистская революция способствовали становлению в историографической практике направления, которое условно можно назвать «новым историцизмом» или «критической философией истории».

В рамках этого движения набирала силу постмодернистская литературная теория (нарративистский изоляционизм, интертекстуальность и пантекстуализм), а также антропологические концепции культуры как символической сети значений. Всех их объединяла апелляция к «текстуальному аргументу». Бахтинский призыв рассматривать текст как единственную первичную реальность гуманитаристики и дерридианский

пантекстуальный изоляционизм можно признать в качестве принципиальных установлений новой социогуманитарной парадигмы. Вызов «научному духу» реализовался в таких направлениях критической теории как литературный и философский постструктурализм, деконструктивизм, неофрейдизм, лингвистика, философия языка.

Грамматологический проект Ж. Деррида (идея «дифферанс»), гетерологические изыскания и ризоматика Ж. Делеза и Ф. Гваттари, делезовский антиэссенциализм в форме трансцендентального эмпиризма, принципы автономного хаоса в мышлении и идея «стохастизатора» М.Фуко, антинатурализм и концепция демифологизации Р. Барта, полицентрическая историографическая практика Д. Ваттимо, реляционизм и топологизм П. Бурдьё - вот лишь небольшая часть списка исследователей, причислявших себя к критической теории философствования и позиционировавших себя как «не-субстанциалисты».

«Новые историцисты» поставили вопрос о статусе исторической репрезентации в контексте изменения референциального статуса. Тема референта, идентификации плана содержания, структур означаемого в семиотическом анализе, в нарративистской философии истории становится центральной. Исследования отечественных авторов М. Бахтина, Ю. Лотмана, а также классиков западной критически-рефлексивной традиции Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.Лакана и других способствовали вычленению в гуманитарном знании особого герменевтического поля, в котором философ исследует не столько действительность как таковую, сколько вторичную действительность текстов, находит, конструирует, реконструирует, множит смыслы и значения этих текстов. Таким образом, в рамках нарративистской философии истории радикально переосмыслена центральная для исторической науки проблема – проблема исторического опыта. Исторический опыт всегда рассматривался двухаспектно: как «опыт истории» и как «опыт историка». Опыт истории

связан с концептом «историческая реальность» в качестве объекта исторического анализа, а опыт историка - субъективный опыт исследователя.

Оригинальные суждения о содержании понятия «исторический опыт», высказанные «нарративистами» в 80-90-е годы XX века позволяют говорить о появлении «новой интеллектуальной философии истории». Сообщества новой интеллектуальной истории сложились в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции, скандинавских странах. В историческом сообществе утвердились такие имена, как Х. Уайт, Д. Лакапра, Л. Минк, С. Каплан, Р. Дарнтон, П. Вейн, Д. Фишер, Г. Келлнер, Л. Госсмэн, М. Постер, Ф. Анкерсмит, Ф. Гилберт и другие. Среди наиболее известных трудов новых интеллектуальных историков (помимо книги Х. Уайта «Метаистория», содержащей фундаментальное положение об истории как письме и принципиальные рассуждения о стилистике письма историков-романтиков), следует отметить работы Л. Госсмэна, Л. Шайнера, Л. Опп, чаще других цитируемые в новом гуманитарном дискурсе. Новые философы истории полагают, что объективная историческая реальность исчезает, а пределы текста нарратива становятся пределами самого исторического мира. Возникает реальная угроза уничтожения референта. Новая философия истории ставит себя в сложное положение: с одной стороны, она постулирует необходимость референта, а с другой - старается его уничтожить. Но без субъекта нет объекта. Теоретическая аннигиляция субъекта связана с распадом эйдетики универсального исторического взгляда, поэтому потеря историчности грозит утратой основополагающих ментальных ориентиров человечества.

Постмодернистское движение к истории, анализируется в критических работах Н. Автономовой и В. Визгина.

Феноменологический подход в истории, опирающийся на такие понятия как интенциональность, феноменологическая редукция и интересубъективность, освещены в творчестве российских исследователей А. Каравашкина, А. Юрганова и некоторых других.

Природу «лингвистического поворота» в современной историографии и последствия становления нарративистской постструктуралистской философии истории, реализующей основные установки стратегии интертекстуального анализа и принципы intersубъективности исторического опыта, критически рассматривают в своих работах А. Репина, Г. Зверева, О. Медушевская, В. Стрелков, М. Кукарцева. Феномен «развеществления» всех форм социальности, главные положения антисубстанциалистской парадигмы (негативная нигитологическая альтернатива) стали объектом пристального изучения В. Кутырева и А. Панарина.

Критический анализ принципиальных положений микро и метаисторической парадигм, содержится в исследованиях В. Высоковой, Б. Соколова, В. Феллера. Исследования Б. Соколова сосредоточены на феномене гипертекста истории. В. Феллер изучает антропологически ориентированные историографические концепции, в том числе, метаисторический подход в историописании.

Указанные авторы прослеживают глобальные тренды в развитии современного исторического знания, которые в целом совпадают с общей тенденцией семиотизации и лингвизации мышления и бытия.

Объектом исследования выступает постмодернистская историографическая парадигма с основополагающей идеей лингвобытия субъекта истории. **Предметом исследования** являются базовые философские концепты, относящиеся к постмодернистскому историческому дискурсу и раскрывающие новый статус субъекта истории в специфической эпистемической ситуации.

Теоретико-методологическая база исследования. В диссертационной работе используются различные аналитические стратегии: системный подход, исторический и сравнительный анализ. Проблема субъекта истории рассматривается в контексте становления семиотической онтологии постмодерна (Ж.Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, С.

Сулейман, Р. Барта, Ж. Лакан). При исследовании природы «лингвистической» и «семиотической революции» и ее значения для развития современной гуманитаристики использовались идеи М. Бахтина, Ю. Лотмана, Н. Автономовой, В. Подорога, И. Ильина, В. Кутырева. Критический анализ принципов постмодернистской историософской парадигмы дан с использованием работ Н. Козловой, Г. Зверевой, О. Медушевской, В. Сырова, В. Полазовой, А. Репиной, Б. Соколова, В. Стрелкова, В. Феллера, В. Высоковой.

Анализ феномена изживания субъективности в интеллектуальном пространстве дан на основе исследований С. Ставцева, И. Сусова, Л. Баткина, А. Сыродеевой, М. Смирновой, Е. Борисова, Е. Трубиной. Модели децентрированного субъекта или интерсубъекта – субъекта интертекста даны в версиях З. Баумана, Р. Рорти, Ю. Кристевой, Ж. Деррида, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационной работы состоит в анализе постмодернистской историософской парадигмы с основополагающей для нее идеей лингвобытия субъекта истории в качестве интерсубъекта. Указанная цель может быть достигнута через последовательное решение ряда взаимосвязанных задач:

- Исследовать феномен интертекстуальности в развитии современной ментальной сферы.
- Выявить связь феномена интертекстуальности с проблемой дегуманизации и деантропологизации среды.
- Показать процесс изживания традиционной субъективности в постмодернистских практиках.
- Проанализировать модель децентрированного субъекта.
- Выявить значение интерсубъективности исторического опыта.
- Определить границы постмодернистской метаисторической парадигмы в ряду антропологически ориентированных моделей историописания.

- Дать оценку современного состояния универсалистского историографического проекта в связи с необходимостью восстановления социокультурного статуса субъекта истории.

Научная новизна исследования:

Во-первых, показывается связь феномена интертекстуальности с проблемой дегуманизации среды.

Во-вторых, актуализируется понятие «интертекста истории» в качестве объекта постмодернистского анализа. Выявлены негативные последствия лингвизации и семиотизации исторической реальности. Деонтологизация и лингвизация бытия как синхронные процессы, в определенной перспективе могут реализовать антигуманистические тенденции в развитии современной культуры.

В-третьих, обосновывается необходимость использования специального понятия, характеризующего новый онтологический и эпистемологический статус субъекта истории в изменившихся культурно-исторических условиях. Вводится понятие интересубъекта истории.

В-четвертых, отстаивается критический по отношению к постмодернизму тезис о возможности долингвистического бытия субъекта и субъективности. В этой связи, представляется обоснованной реабилитация субъекта в контексте воссоздания универсального исторического горизонта.

В пятых, природа и сущность процессов, происходящих в современном историописании, интерпретируется в качестве «нарративного поворота». Критикуется узколингвистическая трактовка историографической деятельности и одновременно отстаивается необходимость и важность нарративного производства в сфере гуманитаристики.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Интертекстуальное прочтение истории лишает возможности реализации импульса к обретению целостности и единства человеческой культуры и истории. Лингвизация исторического знания является антигуманистической тенденцией в развитии

западной культуры. Человечество объективно нуждается в целостном образе истории как интерсубъективно разделяемом и субъективно охраняемом контексте главенствующих форм жизни и опыта.

- Развитие современной инфосферы определено логикой перехода от субстанциалистского редукционизма к лингвизации мышления и бытия. В результате процесса семиотизации история превращается в подсистему лингвистических знаков. Интертекст функционирует как открытая система, порождающая все новые смыслы. Постмодернистское понимание текста не только закрывает доступ к прошлому в его исходной событийной непосредственности, но ставит под вопрос само его существование в качестве суверенного объекта знания.
- Анализ философских оснований модели децентрированного субъекта дает возможность внедрить в практику научного обсуждения концепт интерсубъекта – субъекта интертекста истории.
- Главным аргументом критики постмодернистских моделей субъекта истории является признание возможности существования долингвистических форм субъективности. Народ, класс, этнос не просто конструкты языка, но реально действующие субъекты исторического процесса, обладающие долингвистическим бытием.
- Нарративизация истории – единственный способ сохранения автономии исторического знания. Человеческая способность создавать нарративы, рассказывать истории - есть главный способ упорядочивания и осмысления реальности.
- Поскольку нарративное производство имеет процессуальный характер то, создавая нарративы, историки вынуждены встраиваться в существующую профессиональную традицию, то

есть, вносить свой персональный вклад в формирование процессуального образа реальности истории.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблемы субъекта истории в контексте постнеклассической рациональности, мировоззренческих и ментальных основ информационного общества. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для разработки курсов по социальной философии, философии и методологии истории.

Апробация материалов исследования. Основные идеи и концептуальные обобщения диссертационной работы обсуждались на VII межрегиональной конференции: Наука и повседневность: Концепции и концепты (Н.Новгород, 2004), межвузовской конференции «Дискуссионные проблемы отечественной истории» (Арзамас, 2006), VII международной научно-практической конференции по региональной культуре «Человек в системе коммуникации» (Н. Новгород, 2006), всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Десятые Вавиловские чтения. Потенциалы России в глобальном мире: проблема адаптации и развития» (Йошкар-Ола – Москва, 2006) Материалы исследования нашли свое отражение в семи научных публикациях. Диссертация обсуждалась на кафедре социальной философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и была рекомендована к защите.

Структура и объем исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 190 наименований. Общий объем текста 210 страниц, в том числе 198 страниц основного текста

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее научной разработанности, определяется предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется научная новизна работы, приводятся положения выносимые на защиту

Первая глава **«Феномен интертекстуальности и проблема дегуманизации среды»** в формальном и в содержательном плане является одновременно и фиксирующей и диагностирующей. Внимание сконцентрировано на феномене интертекстуальности в связи со специфическим для современной гуманитаристики ощущением «кризиса языка». Постмодернистская семиотическая онтология построена на этом кризисе, провоцируя в свою очередь кризис мыслящего сознания. Рассматривается процесс делегитимации субъекта, в том числе и субъекта истории на всех уровнях его социокультурного бытия.

В первом параграфе **«Логика развития современной инфосферы: от субстанциалистского редукционизма к лингвизации мышления и бытия»** произведена артикуляция фонового идеологического и мировоззренческого пространства, являющегося для рассматриваемой проблематики обрамляющим и концептуально организующим контекстом. В контексте становления семиотической онтологии постмодерна анализируются основополагающие тенденции в развитии современной инфосферы, которые определяются логикой перехода от субстанциалистского редукционизма к лингвизации мышления и бытия.

Игра с означающими закончилась экспансией означающих, предельным расширением сферы их участия. Тотальность и диктат языка в ситуации кризиса самого языка – центральная проблема современной культуры, которую исследователи склонны относить к небарочной или к типу культур выражения.

«Археологическая критика» Мишеля Фуко трактует самые различные исторические формы человеческой практики как осуществление власти языка. «Деконструкция» Жака Деррида рассматривает процесс сознания как непрерывное самовыражение и самокритику языка через письмо, отождествляемое с иррациональным, бессознательным ядром всякого дискурса. Эти философские концепции сыграли роль важнейших обоснований новой культурной ситуации и одновременно определили принципиальные пути самосознания postmodernity. «Фактически, языковые и культурные формы из элементов эпистемологии перемещаются в онтологическое измерение. Осознание семиологической онтологии постмодернизма - вот, вероятно, то общее, что объединяет эти и многие другие теории современности»¹.

Симулякр становится знаком нашего времени, экспансия языка оборачивается формированием системы означающих без означаемых. Замещение действительности сетью «симулякров» и размывание границы между знаковыми объектами и их реальными референциями делают возможным существование «гиперреальности симулякров». Репрессивная функция инфосферы и семиосферы заключена в способности симулякра управлять поведением людей, их восприятием, в конечном счете, их сознанием, что приводит к «гибели субъективности». Человек превращается в систему фраз, в конструкт языка. Вербализированное «Я» - формирует «развеществленное» «Я», «Я» как *potina*, то есть, растворяет его в стихии лингвобытия. Принимаемое и понимаемое семиотически прошлое перестает существовать для современного сознания в качестве вполне определенного контекстуального фона базовых ценностей и значений.

Во втором параграфе **«Интертекст истории как объект постмодернистского анализа»** раскрывается постмодернистская интерпретация природы текста и текстуальности. Специфические

¹ М.Н. Липовецкий Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997.- С.134.

характеристики и свойства нарративности и текстуальности становятся предметом изучения лингвистически-ориентированной философии истории.

Ю. Коткавирта² делает вывод о том, что герменевтика и деконструкция всерьез принимают игру языка. Но именно в этой точке начинаются глубокие принципиальные различия и расхождения между двумя проектами. В первую очередь, это касается критики языка, которая присутствует в деконструктивизме. Деррида не приемлет и не понимает «языка живого голоса и разговора», поскольку считает их производными логоцентрической традиции. Голос и логос являются определяющими в европейской культуре и создают то, что мы называем метафизикой присутствия. Механизм прост – произнесенное, зафиксированное в комбинации звуков получает понятийное наполнение, а затем экстраполируется на реальность, становится пребывающей в ней.

Х.Г. Гадамер³ видит иной способ указать на путь к свободе, свободе от «мышления логоса в субъективности». Этот путь - диалоговая стратегия, стратегия, замыкаемая в круге вопросов и ответов. В диалогичной диалектике Гадамера сущность есть не свойство вещи, а временное присутствие, что имеет место только в разговоре. Но в разговоре нет ничего абсолютно присутствующего, все является конечным и всегда имеется возможность инаковости.

Другой путь предлагает Ж. Деррида.: «Здесь (в деконструкции) как раз не должен был возрождаться озвученный живостью разговора смысл. В расположенном на заднем плане плетении смысловых отношений, которое лежит в основе всякого разговора, то есть в онтологическом понятии письма – взамен болтовни или разговора, - должна была быть разрушена единственность смысла вообще и вместе с тем должно было быть совершенно собственное разрушение метафизики»⁴.

² Ю. Коткавирта Герменевтика и деконструкция / Под. Ред. Штегмаейра В., Франка Х., Маркова Б.В. – СПб., 1999. С.47-76.

³ См.:Х.-Г. Гадамер Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1998. – 704с.

⁴ Цит. по: Ю. Коткавирта Герменевтика и деконструкция / Под. Ред. Штегмаейра В., Франка Х., Маркова Б.В. – СПб., 1999. С.55.

Постмодернистская интертекстуальность нацелена на разрушение единства и целостности каждой из существующих сегодня культурных логик, взятых в отдельности, поэтому мир постмодерна не может состоять из отдельных событий или объектов, но лишь из текстов, отсылающих к другим текстам. Постмодернистский интертекст представляет собой деконцептуализированную среду, которую мы склонны представлять в качестве дегуманизированной среды, поскольку концепт «человек» предполагает некую целостность и не исчерпывается лишь лингвистическим его измерением. Человек сущностно превосходит все возможные лингвистические конструкции и принадлежит доязыковому бытию, то есть, существует уже до текста.

Постмодернистская интерпретация разнообразных объектов культуры, их номиналистская трактовка в качестве лингвообъектов, является частью широкомасштабного ревизионистского плана по переосмыслению фундаментальных оснований модернистского мировоззрения.

Тотальная критика модернистского субъекта – наиболее характерная черта дискурса постмодерна. Пантекстуальность и интертекстуальность через лингвизацию бессознательного осуществляют теоретическую аннигиляцию субъекта. Бессознательное, таким образом, предстает как язык, а желание – как текст. Рациональный субъект декартовского типа, равно как и вожделеющий субъект типа фрейдистского, сменяются «децентрированным» инструментом презентации культурных смыслов («означающих») языка: «говорящий субъект» как «субъект в процессе» (Кристева) и, как следствие – «смерть человека», растворенного в детерминационном воздействии структур языка и дискурсивных практик на индивидуальное сознание.

Постмодернистские стратегии навязчиво предлагают психологический, семиологический анализ вместо авторской субъективности, поскольку текст сбывается лишь в чтении и в соавторстве равноправных субъектов письма. Антигуманистическое и постчеловеческое кредо современной культуры воплощено в обезличивании человека, превращении его из индивида в

дивида, поскольку человек не есть целостная личность, а всего лишь конструкт языка, дискурсивная функция.

Во второй главе **«Интерсубъект – субъект интертекста истории: базовые онтологические и эпистемологические характеристики»** находит решение центральная проблема исследования – проблема субъекта истории в постмодернистской парадигме. Проблема субъекта истории очерчивает границу между существующими историософскими парадигмами. Представленная модель интерсубъекта – субъекта интертекста истории относится к постмодернистскому метаисторическому проекту

Первый параграф **«Модель децентрированного субъекта в постмодернистской историографической практике»** посвящен анализу тенденции в современной философии по «изживанию традиционной субъективности» в ее модернистском варианте и становлению специфической постмодернистской субъективности. Изначально негативный процесс «теоретической аннигиляции субъекта» преодолен уже в позднем структурализме, когда субъект был частично реабилитирован как активный воспроизводитель дискурсивных и социальных практик. Тем не менее, постмодернистский субъект по всем своим характеристикам представляет собой нечто принципиально иное по отношению к предшествующей философской традиции. В сравнении с модернистским «трансцендентальным субъектом», постмодернистский субъект является «имманентным субъектом». Оба субъекта изначально нетождественны с точки зрения их онто и гносеологических характеристик. Трансцендентальный субъект формируется как результат стремлений человека «изойти из себя» в поисках Абсолюта и найти адекватные средства его описания с помощью выстраивания различных историко-философских картин. А «имманентный субъект» освобождает своё место для чего-то другого, чаще всего, для языка. При этом намечается «минимизация» познавательных потребностей (и способностей), сужение «трансцендентального горизонта мысли» и сведение «предела сознания» к нулю.

Субъект сознания эпохи модерна формально организовывал культуру, был втянут в процесс «метафизического апостериори», которое переживалось моментально и как бы «само собой», внеисторично, поскольку обладало автономным пространственно-временным статусом. Язык выполнял прикладную роль; нельзя было говорить, в строгом смысле, о «субъекте языка», поскольку он выполнял функцию своеобразного «социального органа». Деррида, Фуко и другие апологеты «лингвистической революции» специально выделяют исключительно инструментальный статус языка и дискурса в рамках «метафизики присутствия», ибо письмо, по их мнению, в логоцентризме выполняло роль сервера по обслуживанию речи.

В условиях постсовременности говорят уже о «субъекте языка», потому что язык превратился в достаточное основание формирования предметных форм культуры. В этом смысле, культура не просто вторична основанию, но «бесконечно вторична», отстаёт от него. Она - следствие бесконечной смысловой «переработки» бытийности основания.

При рассмотрении моделей постмодернистского субъекта (модель расщепленного субъекта Ю. Кристевой, версия субъективности анализируемая Ж. Лаканом через призму лингвизации структур бессознательного, концепция «говорящего сознания» Ж. Деррида) мы не стремились выделить какую-либо одну основополагающую идею субъекта, поскольку это противоречило бы самой логике изложения. В постмодернизме нет и не может быть одной монополярной идеи субъекта и субъективности, однако существует то общее, что объединяет все представленные концепции. Предлагаемые модели субъекта легитимируются в рамках основополагающей философии лингвобытия субъекта. Постмодернисты отказываются признать возможность доязыкового бытия субъекта. Предполагается, что субъект (идентифицирующий себя или даже осознающий свою личность, то есть обладающий самосознанием) описывается языком, что он есть функция языка. «Он становится говорящим субъектом только благодаря подчинению его речи, системе лингвистических

предписаний, построенной как система различий, или всеобщий закон *différance*, подчинению тому состоянию языка, который Соссюр называет языком без речи. Язык нужен для того, чтобы разговорное слово было понятным, могло производить все свои результаты»⁵.

Язык в условиях лингвизации и семиотизации реальности всегда говорит больше, чем манифестирует субъект коммуникации, которому нельзя вменить полную ответственность за всю игру смыслов, которая состоится в речи. Субъект игры – и это очевидно в тех случаях, когда играющий только один, – это не игрок, а сама игра.

Программа intersубъективного обоснования мышления, intersубъективной природы человеческого опыта рассматривается во втором параграфе **«Проблема intersубъективности исторического опыта в гуманитарном дискурсе постмодерна»**.

В «Истине и методе» Гадамер⁶ хочет показать, как методологические концепции гуманитарных наук скорее закрывают, чем раскрывают структуры нашего мира: «Само понимание следует мыслить не столько как действие субъективности, сколько как включение в свершение предания, в котором прошлое и настоящее постоянно опосредуются. Это то, что должно быть подчеркнуто в герменевтической теории, в которой слишком долго господствовала идея метода»⁷. Прошлое конструируется, предполагает, что картины истории должны соотноситься не с реальностью, а с принципами построения истории и строиться на их основании, а не на основании соответствия прошлому самому по себе. Как полагает В. Сыров⁸, принципы

⁵ И.П. Сусов Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах // Социальная стратификация языка. Пятигорск. 1989. С.58.

⁶ .Х.-Г. Гадамер Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1998. – 704с.

⁷ Там же, С.7.

⁸ См.: В.Н. Сыров Обречены ли исторические нарративы быть мифами // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей – Челябинск: Каменный пояс, 2004 – С.85-99 (544с.)

историописания должны способствовать сохранению и развитию, как автономии исторического понимания, так и исследовательского характера данной автономии. Подобная позиция изменяет природу нарративного творчества и нарративного производства. Если классический нарратив стремился стереть все следы текстуальности, ради пресловутой объективности, то в постмодернистском нарративе, существующем во власти «субъективного произвола», открыто звучит голос нарратора. Нарратор говорит от первого лица и тем самым демонстрирует намерение ничего не скрывать и, в первую очередь, наличие альтернативных толкований. Он оказывается способен взять на себя ответственность за те или иные суждения. Парадоксально, но явное присутствие в тексте знаков субъективности оказывается наиболее благоприятным для производства впечатления объективности. Оценка возможностей и способностей другого опыта, его значимость должны быть восприняты и приняты.

Исторический опыт в постмодернистской перспективе должен соответствовать критериям интерсубъективности и интерсубъективной программе обоснования мышления. Рассуждая о «режиме истины», о конвенциональных рамках и эпистемических требованиях, постмодернисты определяют методологию в качестве совокупности нормативных подходов, принципов, процедур уже заданных и предзаданных профессиональным сообществом в определенном культурном контексте. Постмодернисты отходят от инструментального прочтения метода. По замечанию Р. Барта, «...метод ни в коем случае не может быть эвристическим, имеющим целью расшифровку и получение известных результатов...» и становится артефактом культуры, выражением определенного состояния интеллекта. Историк вынужден следовать институционально-профессиональной практике, господствующим дискурсивно-речевым протоколам и предписаниям. Профессиональная деятельность историка в указанной перспективе оценивается его персональным вкладом в процесс

конститутивного интерпретативного творчества, его способностью включиться в историографическую традицию.

В третьей главе «Целостность человека и единство образа истории» анализируется современное состояние проекта универсальной истории с учетом его критики в рамках постмодернистского тезиса о конце истории или постистории. С утратой единства образа истории теряется целостное представление о человеке. Апологетика целостного универсального исторического взгляда сродни апологетике человека и человеческого, защите тех универсальных ценностей и принципов, которые только и позволяют говорить о человечестве как о некой тотальности и общности.

В первом параграфе **«Метаистория: от истории субстанций к истории человеческого сознания: методологический аспект»** исследуется метаисторическая парадигма постмодерна. Истоки метаисторического подхода в философии Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна. На основе синтеза лингвистики, философии и истории сложилось новое направление в гуманитарных науках, в котором главным стало признание того, что язык, лингвистические основания культуры являются единственной реальностью настоящего и прошлого. Название этому направлению дала работа Х. Уайта «Метаистория»⁹, а его оформление связано с именами М. Фуко, Ж. Дерриды, Ф. Анкерсмита, Д. Лакапра и др.

Принципиально важным для работающих в этом направлении является понимание языка в самом широком смысле, не ограничивающим его поле только письменными источниками. Отсюда рождаются анализы различных языков: письменного и устного; символов, жестов, знаков и даже тишины. Панъязыковый характер постмодернистской социогуманитарной парадигмы признается самоочевидным и квалифицируется в качестве особого состояния современной ментальной сферы.

⁹ Х. Уайт. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528с

У метаисториков язык является единственной реальностью и универсальным полем человеческого познания. За рамки этого поля познающий субъект не в состоянии выйти. За этим прочитывается глубокий пессимизм представителей данного направления, считающих себя реалистами.

В рамках метаисторического подхода формулируется кредо: что хочет сказать историк подчиняется тому, как он это говорит. Лингвоинтерпретативная практика выходит на первое место. Историки говорят не о линейном тексте истории, а о гипертексте истории. Историческая реальность это уже гиперреальность, живущая в тексте собственной жизнью.

Существуют попытки ряда историков определить место истории в рамках новой познавательной ситуации. Х. Уайт¹⁰ приходит к выводу, что история находится в ситуации концептуальной анархии, что является доказательством очевидной связи истории с литературой как искусством (arts). История как искусство требует воображения, исполнения, репрезентации. Исторический нарратив у метаисториков выступает произведением искусства. Эстетизация истории берет верх над любыми попытками ее дисциплинаризации и формализации.

Познавательное поле метаистории - это реальность, которую нельзя «увидеть и пощупать», это история смыслов, выраженных языковыми единицами. В центре внимания метаистории – история человеческого сознания, запечатленная в текстах.

Общий анализ метаисторического направления показывает, что в рамках постмодернизма историки вышли на новый уровень изучения исторического прошлого – метауровень, или уровень истории сознания, или семиосферы – по Ю. Лотману¹¹. На метауровне изучается история сознания человека на основе лингвоинтерпретативного анализа, «деконструкции» исторических текстов или так называемых нарративных субстанций. Нарративы, по мнению метаисториков, позволяют преодолеть внеположность

¹⁰ Х. Уайт Указ. соч.

мира человеку, антропоморфизируя мир и представляя его человеку в доступной повествовательной абстракции. Нарративистская философия полагает, что мир доступен человеку лишь в виде историй, рассказов о нем.

Отсюда возникает представление о «метарассказе» как об эпистемологической категории. «Метарассказ» представляет собой одну из абстрактных координат, изнутри которых мы познаем мир как бессодержательную форму, налагаемую нашим восприятием на неоформленный, сырой, поток реальности.

Во втором параграфе **«Реабилитация субъекта и субъективности в контексте воссоздания универсального исторического горизонта»** анализируется проблема восстановления социокультурного статуса субъекта истории. Утрата целостного взгляда на исторический процесс, распадение и рассеивание истории, утверждение микроисторической парадигмы – таковы последствия разложения всеобщей истории, истории универалистского типа в ситуации «смерти истории». Факт распада традиционного универсального исторического проекта, зафиксированного современной историографической практикой, не снимает с повестки дня вопрос о возможности существования иного проекта истории.

Постистория становится реальностью в тот момент, когда уже нет единого объединяющего центра, трансцендентального означаемого, того исторического референта, который способен воплотить максимальные характеристики исторической оригинальности. В ситуации смерти Бога, равно как и в ситуации теоретической аннигиляции субъекта, универсальный исторический горизонт оказывается свернут, ведь когда мы не имеем трансцендентального означаемого как такового, историческое течение представляет собой «текст» без смысла, текст, который может быть препарирован и интерпретирован как угодно. Удержать универсальный исторический горизонт можно лишь восстановив трансцендентальное означаемое, ту неподвижную «центрированную» точку, точку «маятника

¹¹ Ю. Лотман Семиосфера. – Спб.: «Искусство- СПб», 2000. – 704с.

Фуко», вокруг которой можно выстроить окрестность тех или иных исторических событий. В противном случае, история остается мозаичным полотном, калейдоскопичным набором разрозненных фактов.

Невозможность существования трансцендентального означаемого ведет к исчезновению трансцендентального означающего. Конец универсальной истории как бытия и как размерности сознания есть следствие конца незыблемого положения субъекта в любых его «ипостасях».

Большинство исследователей полагает, что деобъективация и десубъективация сущностно взаимосвязаны между собой. Единственным гарантом наличия объекта является классический модернистский субъект, существование которого ставится в постмодернизме под сомнение. Мифологема, содержащая представление о «конце истории» или о «смерти истории» как констатация невозможности представить универсальный исторический горизонт, свидетельствует и о конце человека или о постчеловеческом состоянии.

Тем не менее, «конец истории» - это не апокалипсис, а финал одного из социокультурных проектов современности. Не умер и сам субъект, изменились формы его присутствия в истории. Субъект, индивид, потерявший определенный ракурс зрения на мир, определенную интерпретацию мира, утратил с ней возможность полагать свою цель, а значит определять себя, за пределами самого себя. Если классический модерн из гуманизма создал дегуманизированный мир, то теперь мы стоим перед задачей гуманизации постапокалиптического мира - мира децентрированного и, по видимости, обесцененного, превратившегося в поток разнородных фрагментов бытия, где личное перемешено со вселенским, жизнь вобрала в себя смерть. Теперь децентрированный субъект должен обжить распредмеченный мир.

Ситуация, указывающая пределы человеческого существования, является вполне человеческой. Субъект должен быть реабилитирован, хотя бы потому, что несет личную ответственность перед самим собой и миром.

В **заключении** представлены основные результаты исследования и намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Верещагин, О.А. Апологетика письма и кризис антропологической парадигмы / О.А. Верещагин // ALMA MATER (Вестник Высшей школы) 2006. №6.- М.: Издательство РУДН, 2006. – С.55-56.
2. Верещагин, О.А. Философский номинализм и неолиберальный идеал субъективности / О.А. Верещагин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. Выпуск 1 (5). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С.425-429. – ISSN 1811-5942
3. Верещагин, О.А. О значении философии языка в исторических исследованиях / О.А. Верещагин // Объединенный научный журнал. 2003. № 23(81) С.24-26. – ISSN 1729-3707
4. Верещагин, О.А. Тезисы против субстанционализма / О.А. Верещагин // Вопросы гуманитарных наук. 2004. №1(10). С.158-161. – ISSN 1684-2618
5. Верещагин, О.А. Пантекстуальность как стиль мышления эпохи / О.А. Верещагин // Аспирант и соискатель. 2004. №5(24). С.231-235. – ISSN 1608-9014
6. Верещагин, О.А. Культура автономных субъектов и кризис исторического сознания / О.А. Верещагин // Человек в системе коммуникаций: материалы VII международной научно-практической конференции по региональной культуре. Н. Новгород. 6-8 июня 2006. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. – С. 111-114.
7. Верещагин, О.А. Идеология мультикультурализма и практика «этнокультурного замещения» / О.А. Верещагин // Потенциалы России в глобальном мире: проблема адаптации и развития. Десятые

Вавиловские чтения: материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2006. – Ч.1 – С. 27-29. –ISBN 5-8158-0537